

ДОМ ОКНАМИ В ПЕРЕУЛОК

ЕДВА свернула к дому, выглядывающему из-за свежей зелени палисадника, навстречу женщина:

- Вы в наш переулочек? А кому?

- Смирнова Василия Николаевича ищете.

- Так вам на Войкова надо, а здесь переулочек Чекалина. Пойдемте - покажу, мне все равно в ту сторону.

Идти было до ближайшего отворота, но за несколько минут моя словоохотливая попутчица, может быть, сама того не ведая, успела сказать мне многое:

- В нашем переулочке всего пять домов. В один не так давно молодые новоселы заехали, а в остальных мы, вдовы, живем, друг дружку много лет знаем. Строились все после войны. Здесь и детей вырастили, сами состарились, мужей похоронили. Вдовствуем теперь.

Вот и дошли, распрощались, а в сердце грустинка осталась. И еще - то ли сожаление, то ли чувство вины за то, что, увлекшись политическими страстями, новыми экономическими отношениями, мы меньше стали писать о человеческих судьбах в таких вот маленьких переулочках, старых городских двориках, в которых, действительно, еще с послевоенной поры живут сейчас уже пожилые люди. Их трудом наш город становился.

Об одном из них - Василии Николаевиче Смирнове, умелом и бескорыстном человеке, и рассказал мне Рафаил Вахитов.

ПЕРЕУЛОК Войкова небольшой, несколько домов на обе стороны будет. И почти в каждом дворе умелые руки Василия Николаевича на радость людям потрудились.

- Нам и другим соседям он водопровод помог сделать. Киневым печку-голландку заново сложил, бабушке Ольге Ивановне Ворончихиной печную трубу починил - разобрал и по новой сделал. До всего мастер: печи, крыши, электричество, что ни попроси - отремонтирует, хотя и инвалид, - наперебой рассказывали мне Рафаил и Язиль Вахитовы. - Придет в рабочей одежде и не присядет, пока не закончит. И ни рубля не берет. Хотели как-то чаем напоить, и то отказался. Вот такой он человек. Резковатый бывает, но справедливый. И работающий, каких немного. А дома

у него какая чистота, хотя и без хозяйки управляется. Дочь и сын уже взрослые, живут своими семьями, хорошими людьми выросли.

Потом мы с Рафаилом выходим за ворота, и он, опираясь на трость, показывает, где они ремонтировали водопровод.

- Землю раскопали, трубы все ржавые. Что дальше делать, не знаем. Спросили совета у Смирнова. Он за дело взялся, покаленной рукой одну трубу зажимает, здоровой другую трубу заворачивает, да так ловко у него получается!

Вышел из своих ворот напротив Павел Яковлевич Кинев, тоже о Смирнове доброе слово замолвил: и про печку-голландку, и про трубы, по которым сейчас вода и в их дом идет.

- А вот еще случай был, - вспомнил Вахитов. - Зимой у нас систему разморозило, где-то в подполье ледяная пробка трубу забила. Я с раннего утра возился - ничего не могу сделать. Инвалид тоже, рука и нога парализованы. Пошел за помощью к Василию Николаевичу. Так, мол, и так, уж извини, что с утра потревожил, спать не даю. А он в ответ: "Чего сам возился, раньше надо было меня поднять". Полез в подполье, чуть не на четвереньках там ползал, водой горячей трубу отогревал, и разошлась пробка. Крышу на подворье тоже он сделал. Еще деревообрабатывающий станок отремонтировал. Я же говорю, он все может.

ВАСИЛИЯ Николаевича Смирнова мы встретили у ворот его дома. Одет он был в рабочее, не для приема гостей. Рваная шапочка с опущенными ушами по случаю студеной погоды, поношенная телогрейка. Один рукав наполовину пустой.

- Давно вы на инвалидности?

- С детства, но на заводе тридцать лет отработал, из них 21 год - на прокате. Почетный металлург, заслуженный новотурник, хотя что сейчас об этом говорить?! Сорок лет назад сам вот этот дом отстроил.

- Как это вам удаётся, Василий Николаевич? Не только со своими заботами справляетесь, но и соседям во всем помогаете.

- А меня завод всему научил. Ему я благодарен за то, что, будучи инвалидом, овладел многими профес-

сиями, имел заработок, кормил семью. Время тогда такое было. Не думаю, что нынче стали бы на предприятии инвалида мастерству обучать.

Смирнову 72 года. На вид еще крепкий. Лицо светлое, с густыми седыми бровями. Говорит взволнованно, громко. Его облик напомнил мне шолоховских мужиков, самостоятельно рассуждающих о жизни, при всех переменах остающихся верными трудолюбию, честности, доброте.

- У хлебного киоска голубая собачонка вертелась, к каждому ластилась, кусок выпрашивая. Отломил корку, бросил. Сам в сторону отошел, наблюдаю: ни один покупатель малым куском с собакой не поделился. Что с народом стало! Идешь по городу - как по тюрьме: кругом одни решетки.

Ему, помогающему людям без всякой личной корысти, всегда не по нраву были стяжательство, жадность, равнодушие. А кому-то, наоборот, покажется чудачеством его бескорытность. Но ведь щедрая доброта, как и истинная благодарность, бесценны.

- Я как увижу в окошко Василия Николаевича, прошу Бога, чтобы дал ему здоровья и долгих лет жизни, - говорит Язиль Вахитова.

РАФАИЛ провожал меня из переулочка, тяжело опираясь на трость. Парализовало его в 1989-м. До этого работал бригадиром на ЗМКК, был председателем товарищеского суда в цехе готовой продукции. С полочки не бутылку домой нес, а цветы или духи жене, ребяташкам - сладости. Трое их у Вахитовых. Когда недуг надолго приковал его к постели, младшей дочке было четыре года, а старшему сыну 15. Все заботы по дому и хозяйству легли на хрупкую Язилью.

- Она меня выходила, подняла с постели. Во многом благодаря ей выжил, начал ходить. Да еще теща помогла - Хамдуна Ахметова. Спасибо, что в цехе обо мне не забывают: начальник цеха Анатолий Дмитриевич Цыкалюк, председатель профкома Евгений Баранов, бригадир Ринат Умеров звонят, помогают с лекарствами к нему.

На его глаза навернулись слезы. Наверное, не только от студеного ветра.

Т. ТЕРЕШИНА.